

Плата за счастье

Сегодня Театр им. Гоголя первым открывает новый театральный сезон. Перед традиционным в таких случаях сбором труппы мы встретились с ведущей актрисой Театра им. Гоголя, народной артисткой России **СВЕТЛАНой БРАГАРНИК**, уже более тридцати лет держащей на себе репертуар театра.

— **Вопрос глобальный. Легко ли быть примой гоголевского театра?**

— Я могла бы сейчас закричать: «Какая я прима!..». Но я понимаю, что это так. Стоит спросить: легко ли быть актрисой вообще? Нелегко. Расшатанная нервная система, ненормальные роды, когда роль рожаешь, минуты простоя, а потом наступает момент, когда задумываешься: а кому это нужно, и не сбрасываешь ли ты свои патологические комплексы в профессию, и не занимаешься ли ты этим потому, что не очень здоровый человек...

— **А если спросить, легко ли быть примой гоголевского театра, с акцентом на слово «гоголевский»? Вы свое географическое положение ощущаете?**

— Ваш брат нам этого не дает забыть. Самые хвалебные рецензии начинаются с того, что в дыму паровозов Курского вокзала, среди бомжей, заросших вшами, стоит на отшибе старое депо, где копошатся 60 артистов во главе с режиссером Яшиным...

— **На публике это отражается? К вам приезжие ходят?**

— Все приезжие бегут в Малый, в Большой, в Ленком отметить, чтобы живых звезд посмотреть и потом похвалиться. В наш театр идут те, которые хотят прийти именно сюда, у нас туристов не бывает.

— **Ваш театр уже лет пять открывает свой сезон тогда, когда многие его только закрывают. Почему так рано?**

— Это политика нашей дирекции. Август — месяц проблемный, у нас — комедийный: играют в основном комедии. Потихоньку раскручиваемся...

— **Что нового вас ждет в этом сезоне?**

— Был намек обещания от Сергея Ивановича Яшина, что я буду играть маму Иудушки Головлева в «Господах Головлевых», что совсем меня не пугает насчет возраста. Этого я смолodu не боялась — не важно, бабушку, тетюшку играть, главное, чтобы сила характера была, а тут все это есть. Но сначала Яшин собирается делать спектакль по Гюго «Король забавляется», Салтыков-Щедрин выйдет вторым.

— **Вы играете Огудалову в «Бесприданнице», Констанс в «Верной жене», Эби в «Мышьке и старинных кружевах», Аркадину в «Записной книжке Тригорина», Марлен Дитрих в «Марлени», Сарру в «Иванове»... Сколько нужно народному артисту спектаклей в месяц, чтобы наиграться?**

— А шут его знает. Иногда мечтаешь: ну дали бы передохнуть, но когда дают, думаешь: ну когда я перестану валяться на диване и пойду работать? Самое большое мучение, когда идет выпуск спектакля — на бложном театральном диване между репетициями и спектаклем спать, утром в театр входить, ночью выходить и не знать, какая на улице погода.

— **При таком богатом репертуаре о чем еще можно мечтать?**

— У меня многое сбилось. Я играла Чехова, Островского, Уильямса, комедии, трагедии — все было, я наигралась. Молодая была, хотела Снегурочку сыграть Островского — не удалось. Об Ане в свое время мечтала, не получилось.

— **Почему недавно вы отказались от Брехта в новой работе с молодым режиссером?**

— Не люблю этого автора. Хотя я и выпускалась из ГИТИСа в Брехте — в «Страхе отчаяния», причем у Эфроса, за что меня из института выперли, почему я в областной театр и попала сначала. Но к чему подробности...

— **Как раз интересно.**

— Будучи студенткой, я сыграла в опальном театре, Эфрос уже тогда был опальный.

А тут началась кампания по выживанию Эфроса из ГИТИСа и из театра — я под нее попала. Формальная причина была та, что я пропускала занятия, а занятия я пропускала потому, что играла спектакль. И осталась перед окончанием института без диплома, без общежития — я же из Риги. Что было делать — домой возвращаться? Здесь показываться я не могу, у меня диплома нет, да еще неумелая, непробивная, с бытом у меня по сей день сложно. Наш дипломник режиссерского факультета Эдик Шестаков в то время выпускал спектакль в областном театре имени Островского, и у него заболела артистка. Он меня пригласил на роль. Там меня увидели и взяли — им не нужно было ни прописок, ни дипломов. И пару лет я там работала. Сыграла кучу ролей.

— **Вы так и не получили диплом?**

— Я пришла через пару лет в ГИТИС, а мне секретарша Валентина Георгиевна, царство ей небесное, говорит: «Ты чего за дипломом не приходишь?». Я чуть не заревела. Они мне контрабандно выписали.

Все, что ни делается, — к лучшему. Областной театр мне дал квартиру, нормальную зарплату, я получила кучу премий на фестивалях. А попади в то время в другой театр — у меня что-то с МХАТом мерцало, — сгнила бы в могучей труппе, стояла бы по сей день в массовке — кто знает? Там все решают за нас.

— **Вы руководили актерским курсом в институте современного искусства. Сколько часов жизни уходило на студентов?**

— Три четверти жизни — на театр, все остальное — на них. У меня их семнадцать человек. Сейчас они выпустились, и выпустились хорошо. Четверых Яшин взял к нам в театр, более того, выпускной студенческий спектакль они будут играть на Малой сцене как репертуарный спектакль театра. Один маленький нахал уже ставит антрепризные спектакли, причем на приличных площадках, — в наше время могло такое быть?

— **Новых возьмете?**

— Столько это вышло из меня крови, вынуло из меня времени... Это был мой первый в жизни курс, и сейчас искренне верю, что последний. Я с ними пахала все четыре года по полной программе. Потеряла три кинороли. Отдала столько энергии. Чтобы еще раз пройти этот цикл — никогда. Но зато я им говорю: вас 17 человек на свете. Только 17 человек на планете могут сказать: мы учились у Брагарник. Но это так, других не было и не будет.

— **Со студентами вы что-нибудь ставили?**

— Я не брала на себя грех самоутверждаться на маленьких детях, выламывать им руки своей неумелой режиссурой. Что вы, я никогда в жизни себе этого не позволю. Как никогда в жизни я не посмею пойти в стоматологическую клинику и лечить людям зубы. Мне кажется, это одно и то же.

— **Вы хорошо помните свою первую роль в Театре Гоголя?**

— Разумеется. Я играла с Борисом Чирковым и Сашенькой Швориным и, конечно, была перепугана до полусмерти. Шворина я видела в фильме «Летят журавли», Чирков — это вообще история и кино, и театра, и вдруг они мои партнеры. Я испугалась, зажалась, и Саша Шворин даже пошел к главному режиссеру Борису Голубовскому, сказал, что он не будет с этой перепуганной идиоткой играть, потому что она ничего не умеет. Когда я узнала об этом, я подошла и сказала: «Александр Борисович, вы можете думать обо мне что угодно, но просто я вас жутко стесняюсь». От такого признания и беспомощности моей, от ужаса перед его величием он так расстрогался — чуть не заплакал. Стал моим другом и оберегал меня, как коршун. А за роль Юлии

Тугиной я даже премию получила на каком-то фестивале.

— **Более чем за тридцать лет работы был соблазн уйти в другой театр?**

— Соблазна никогда не было, хотя звали меня много и до сих пор зовут. Дело не в моей природной робости и не в боязни перемен. Меня в Театре Гоголя держат репертуар. Он нарабатывается годами. А потерять репертуар — как, где я буду все это играть — это надо еще сколько лет, а сколько у меня еще осталось?

— **В спектакле «Записная книжка Тригорина» по чеховской «Чайке» вашу героиню — Аркадину — из состояния шока после известия о гибели сына выводят аплодисменты и крики «браво» — бальзам на все ее раны. Аплодисменты действительно лечат?**

— Аплодисменты — это знак. Целительные моменты, когда 600–700 или даже 20 человек — сколько забредет в театр — становятся единым целым и ты знаешь, что можешь с ними все что угодно сделать: они тебя слушают, ты равна им, они равны тебе... А вообще «Записная книжка Тригорина» — спектакль болезненный, правдивый. О том, чем человек жертвует, чтобы заниматься любимой профессией, чем платишь за счастье ходить на работу с удовольствием.

— **Слегкой руки Виталия Вульфа, в одном из интервью сообщившего, что народная артистка Светлана Брагарник, играя в Театре Гоголя по пятнадцать спектаклей в месяц, получает 3 тысячи рублей, вся страна узнала о вашей зарплате.**

— У нас целая система надбавок, но деньги в итоге все равно крошечные. Но хорошо, пускай страна меня жалеет. Мою любимую кошку невозможно прокормить на мою актерскую зарплату. Поэтому иногда приходится сниматься в сериалах. Хотя большой радости это не доставляет.

— **Но любимая кошка по телевизору вас узнает? Вы на ней обкатываете монологи?**

— Я с ней мастерство оттачиваю. Например, орет она — есть хочет, я говорю: «Что ты орешь? Мяса хочешь?! А ты знаешь, сколько это мясо стоит? А ты хоть копейку в дом принесла?». Она затихает, вступает со мной в диалог, отвечает мне, волнуется. Я свою кошку когда-нибудь с ума сведу, она понимает больше, чем ей нужно. Мне еще Раевский напророчил. Когда я что-то плохо делала в институте, он смотрел на меня печально: «Брага-арник, моя кошка умнее вас...». А теперь я сама воспитала кошку, которая, по-моему, уже чуть-чуть умнее меня.